Наталья Мудрова

Богиня варит щи

От иллюзии любви —
к реальности и себе

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+ Содержит нецензурную брань

Наталья Мудрова

Богиня варит щи

«Автор»
2026

Мудрова Н.

Богиня варит щи / Н. Мудрова — «Автор», 2026

Ты узнаешь себя в этой книге,если хоть раз оставалась там, где тебе было больно.Это история о жизни, которой завидуют.Мексика. Деньги. Дом в престижном районе. Мужчина, который «любит».Снаружи — идеальная картинка.Внутри — медленное исчезновение себя.Это не история про «плохие отношения».Это история о том, как можно не заметить момент,когда ты перестаёшь быть собой.Где проходит грань между любовью и удобной формой насилия?И почему иногда страшнее не уйти —а признать, что ты осталась.Это книга о цене красивой жизни.И о моменте,когда ты выбираешь себя.Или не выбираешь.

© Мудрова Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Невеста без свадьбы 6
Когда всё погасло 9
Приключение без гарантий 10
Когда тебе нечего терять 12
Вид на океан 14
Ошибка в расчётах 15
Очарование 16
Остаться нельзя уехать 17
Закрытая дверь 18
Глупая – это лучше, чем злая 20
Крестьянка и Диор 21
Власть давать 23
Будда услышал 25
Родословная принца 26
Родители 28
Анамнез принца 30
Золотая молодёжь и одноразовая любовь 33
Золотая клетка Поланко 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Богиня варит щи

«Ни один мужчина не может дать женщине полную безопасность. В её сознании не существует мужчины, который действительно мог бы удовлетворить все её проекции. Женщина должна найти безопасность внутри самой себя».
Йоги Бхаджан

Пролог

Этот сюжет мог придумать только Создатель. Я – просто женщина, которой выпало слишком много испытаний.

Невеста без свадьбы

Я никогда не была золотоискательницей, если честно, у меня и требования-то к потенциальному партнёру всегда были скорее заниженные. Было только одно желание – чтобы любил, а уж всё остальное я сделаю сама. Но так получилось, что поклонников как будто не было вообще. Мужчины не подходили ко мне знакомиться на улице. В соцсетях написывали только турки с египтянами, а стеснительность и зрение –3 не способствовали флирту, даже если бы кто-то и обратил на меня внимание. Самым активным и прогрессивным в ухаживании был бомж Михалыч, периодически сидевший у входа в «Дикси», недалеко от дома, в котором я снимала квартиру на третьем курсе, но он точно не был вариантом. Мужчины, теоретически достойные внимания, женились на моих подругах и знакомых, а я ловила себя на ощущении того, что жизнь проходит мимо. И чувство одиночества холодом охватывало грудь каждый вечер, когда я ложилась спать. Я тосковала, но ещё не знала, о чём.

За 3 года до основных событий этой книги я познакомилась в Питере с состоятельным аргентинцем, живущим на острове Кейп-Код под Бостоном. Однокурсницы, глубоко удивлённые тем, что я никогда не была на Думской (в то время популярное место с барами), да и вообще ни в одном питейном заведении Санкт-Петербурга к третьему курсу университета, настояли на том, чтобы я закрыла эту постыдную дыру в биографии.

К слову, я всегда была ботаником, у меня даже в школьные времена была кличка Заучка. Мне она, конечно, не нравилась, но, тем не менее, она максимально хорошо отражала суть. При появлении любых негативных переживаний я погружалась в книги. А иногда я погружалась в них заранее, во избежание появления этих эмоций. Чтение книг было максимально безопасным. Так я избежала добрую долю опытов, которые проживали в моём возрасте девушки: встречи, расставания, вписки, предательства подруг, измены, аборты, наркотики – всё это я видела на страницах книг и слышала краем уха в рассказах одногруппниц и знакомых, но только издалека – такие «крутые» девчонки не дружат с ботаничками. Но мой личный опыт был весьма ограниченным.

– How are you? – ко мне в баре подошёл красивый, ростом под 190, латиноамериканец.

И следующие 2 года – словно в тумане.

Хуану было 37, на Кейп-Коде (остров недалеко от Бостона) у него была своя компания, которая занималась отделкой летних домов богатых белых американцев. Он наслаждался жизнью, путешествовал, и он был первым в моей жизни мужчиной, который посчитал мою начитанность и способность поддержать философский разговор не смертной скукой, а крутым качеством. Я почувствовала себя особенной.

Через месяц он позвал меня праздновать Новый год к его семье в Аргентину и сделал мне предложение. Меня ничего не смутило. Чувство особенности не покидало меня. Правда, предложение было без кольца, что, на удивление, не вызвало у меня никаких вопросов по поводу серьёзности его намерений. Для меня это было самой настоящей любовью, ведь он тратил на меня большие деньги и познакомил меня со своей семьёй.

Мы много путешествовали, проводили часы вместе по видеосвязи, он дарил мне цветы и украшения, я неоднократно виделась со всеми членами его огромной латиноамериканской семьи. Их было много. Все они как магнитом притягивались к успешному Хуану, сумевшему то, о чём мечтали многие, но мало кто решился – осуществить американскую мечту.

В юном возрасте он собрал свои немногочисленные вещи – две рубашки и штаны – и рванул зайцем на поездах через всю Латинскую Америку в Мексику. Нелегально перешёл границу через пустыню, видел, как по сторонам от него падают обезвоженные люди, но он был крепким и дошёл. Годы рабского труда за копейки в местах США, где по-английски мало кто говорит, изучение языка и бесконечная вера в то, что он обязательно станет богатым. И однажды он

встретил американку, которая согласилась заключить с ним фиктивный брак, чтобы дать ему документы. Он собрал весь свой опыт чёрной работы, смекалку и наглость, и основал фирму по отделке, которая и принесла ему финансовый успех. Так он рассказывал свою вдохновляющую историю.

Хуан помогал брату и сестре строить их дома (деньгами), и, возможно, для многих его знакомых он был единственным человеком, у которого можно было бы просить в долг, если что. Хуан был настоящей звездой для своих аргентинских друзей и знакомых. И все эти люди смотрели мне в глаза и искренне спрашивали: «Когда свадьба?».

Я ждала окончания университета, чтобы переехать к нему. По крайней мере, так это видела я, ведь к тому моменту мы встречались уже около двух лет. Но этого не произошло, потому что вторая невеста, которую, наверняка, тоже спрашивали о дате свадьбы его родственники, отметила его на фотографиях в Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой в РФ).

Она первая спросила у меня, почему на своей аватарке я обнимаюсь с её женихом.

А дальше понеслась переписка, в которой мы дни напролёт доказывали друг другу, что имеем больше причастности к Хуану. Мы, как два ребёнка, доказывали друг другу: «А у нас в квартире газ… – а у нас водопровод…», и почему-то ни одна из нас не винила главного организатора этой личной трагедии для каждой из нас. Я ещё и присылала ему скрины нашей переписки, чтобы что-то доказать, возможно, она делала то же самое.

Её звали Кристина, она была родом из Румынии, на год младше меня, внешне у нас один типаж, день рождения с разницей в 3 дня, и она тоже образованная и воспитанная девушка, потому что во всех этих доказательствах ни одна из нас не позволила себе лично оскорбить другую. По её словам, они тоже встречались уже 2 года и помолвлены.

Перед глазами у меня всплыли флешбеки ситуаций, которые я старательно игнорировала в прошлом. Незакрытое письмо на компьютере Хуана от некой Кристины, когда я была у него дома на Кейп-Коде. У меня тогда не было цели копаться в его переписках, я ему доверяла. Но письмо было открыто на экране, а я проходила мимо. Он тогда поспешно закрыл почту, не дав мне никакого объяснения. Я не успела много прочитать, но письмо точно было личное… Друг Хуана в кафе в Аргентине, который при встрече с нами посмотрел на меня и сказал: «А! Кристина!»… Я настойчиво выбирала верить в любовь, которую придумала себе сама, и как лошадь с шорами уверенно шла мимо пожара из красных флагов.

На тот момент со стороны Хуана лучшее оправдание наличия другой девушки сводилось к тому, что он взял у её родителей денег в долг на развитие нового бизнеса, и он находится в зависимом положении и ничего сделать не может. Он и вправду недавно открыл новый бизнес. Я сама лично вместе с ним вручную пересчитывала 100 тысяч долларов от продажи дома в Аргентине, которые он должен был потом вложить в дело. Как будто это его оправдывало.

Но день на пятый выяснений деталей ко мне пришло небольшое просветление. Я потребовала у него пароль от его Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой в РФ). Он мне его дал. Сейчас я даже и не понимаю, зачем он им поделился. Ведь если бы он был в зависимом положении от Кристины, он должен был бы делать всё, чтобы спасти именно их союз. Может, он тоже был в состоянии аффекта и не понимал, что делает? Я была ему так дорога? Он хотел выйти из этой ситуации, сохранив нас обеих? Про заём у родителей Кристины – это тоже ложь?

Хуан думал, что он удалил все компрометирующие его переписки в Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой в РФ). Я тогда не знала испанского. Он знал, что я его не знаю. Но он и не догадывался, насколько я Заучка. Тогда ещё не было электронных переводчиков, где ты копипастом мог перевести большие куски текста. Но дома у меня был обычный книжный испанско-русский словарь, и я перевела все его пере-

писки за последние 3 года. Просмотрела все его сообщения. И я узнала, как он воплотил свою американскую мечту.

Этот человек спал с любым живым существом женского пола. В том числе с женщинами старше него, чтобы получать выгодные заказы, разрешения от штата. Он спал с бухгалтером, которая бесплатно помогала ему уходить от лишних налогов. И с Кристиной он, конечно же, тоже спал и в деталях рассказывал своему аргентинскому другу, какая она горячая в постели. Он не брезговал никакой женщиной, чтобы прийти к своей цели.

И чувство особенности покинуло меня. Местами моё эго пыталось ухватиться за мысль о том, что со мной он был по любви, потому что взять с меня точно было нечего. Но разве так поступают с людьми, которых любят? И я снова становилась никому не нужной Заучкой Леной. Я плакала, не ела и не спала дней 10. Это был первый и последний раз в моей жизни, когда я столько плакала.

Вы ведь не будете винить меня за то, что я продолжительное время следила за жизнью Кристины в Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой в РФ)? Её профиль несколько месяцев был закрыт для меня. А потом открылся, и появилось много постов о подготовке к свадьбе. Мне даже показалось странным, что девушка, готовящаяся к замужеству, выкладывает так много постов об этом. Наверно, так она демонстрировала победу. Не исключено, что эти посты были именно для меня. А может, кроме нас двоих был кто-то ещё, кому нужно было донести, что она выходит замуж за Хуана? Может, она знала больше? Кто знает? Но, когда наступил день Х, посты стали ещё более странными: «Это я уже оделась в белое платье и выезжаю в церковь», «Это я стою перед церковью», – между строк читалось нервное напряжение. Они пытались пожениться 2 раза, и оба раза Хуан оставлял её в белом платье на крыльце церкви. Оба раза он не пришёл. После этого Кристина надолго пропала из Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой в РФ) – её невозможно было найти ни по имени, ни через странички родственников.

Как хорошо, что это не я.

А пока Кристина выходила замуж, у меня случились депрессия, запой, защита диплома, много ошибок, попытки найти Хуана в других мужчинах и снова 3 месяца запоя в Тайланде после диплома. И девизом всего этого было: «Латинская Америка – да больше никогда в жизни!». Однако тот, кто наблюдает за нами сверху, очень любит смеяться, когда мы произносим слово «никогда».

«Дорогой Будда, я хочу встретить того самого единственного» (Dear Buddha, I wanna finally meet the one) – написала я на табличке строящегося памятника Будды в Тайланде. За 20 долларов можно было купить плитку и оставить послание Высшей силе. Это был крик души. В свои 24 я чувствовала себя старой девой с разбитым сердцем, без перспектив и светлого будущего. Встретить того единственного было важно ещё и для того, чтобы доказать Хуану (а в первую очередь себе), что он ошибся, что я ценная, самая лучшая. Мне хотелось, чтобы он приполз ко мне на коленях просить у меня прощения. И мне казалось, что только он (мужчина) может прийти и сделать меня счастливой. На него были все ставки, все надежды.

Когда всё погасло

В 2013-м, уже после Таиланда, я вернулась жить к родителям в свой родной маленький городок. Какой же это был контраст ко всем тем ярким эмоциям и роскоши, которые я узнала в отношениях с аргентинцем!

Непроходящая депрессия усилилась из-за неожиданной смерти бабушки и съедала меня изнутри. Мир казался огромным всепоглощающим чёрным пятном, в котором не осталось ничего позитивного. Не было сил даже на то, чтобы выйти из дома. Их не было и на то, чтобы поверить, что впереди ещё может быть что-то хорошее.

Большую часть времени я проводила на раскладном диване в своей комнате, дома у родителей, и смотрела в потолок. Комната была отделана в бежево-коричневых тонах, выбор мамы, и олицетворяла собой всю мою жизнь – нечто блеклое, неинтересное, ограниченное. Кроме, конечно, незабываемых ярких моментов с Хуаном, которые теперь были в прошлом и отдавали болью в грудной клетке.

Мне однозначно нужен был психолог или даже психиатр, думаю, это было заметно невооружённым взглядом, но в моей семье не было принято говорить о чувствах, а знания о важности психологического здоровья пришли в популярную культуру чуть позже. Поэтому идея съездить куда-то далеко и экзотично прозвучала как единственная надежда на спасение от себя.

– Давай слетаем на море в Мексику, я нашла дешёвые билеты! – как будильник зазвенел на другом конце телефона жизнерадостный голос подруги, – хватит скулить, собирай чемодан!

– Что? У меня даже нет сил, чтобы выйти из комнаты…

Но на другом конце меня даже не пытались услышать. Я присела на диване и взвесила все «за» и «против»: работы у меня не было, полгода, как я закончила университет по неинтересной мне специальности «социолог». У меня были небольшие сбережения, так как весь университет я работала в научной лаборатории. Но, если ехать, то по возвращении из поездки нужно было в срочном порядке решать, как продолжать свою жизнь и где работать. И даже приходили мысли о том, чтобы не продолжать её вовсе. Сил не было ни на что.

– Поехали, – ответила я. Мексика звучала значительно интереснее, чем диван у родителей дома. «Мексика» звучало как надежда.

Катя, так звали мою подругу, планировала погреться на пляже в Канкуне, а затем пожить несколько недель в Мехико. Я же ехала на последние деньги, и после Канкуна собиралась возвращаться обратно.

Приключение без гарантий

Перелёт показался мне бесконечно длинным – ещё и потому, что все 9 часов над Атлантикой было холодно. Храп соседа не убаюкивал, а вино не согревало, глаза болели от стольких часов просмотра фильмов вместо сна. Но как только моя нога коснулась трапа, я ощутила горячие лучи мексиканского солнца на своей коже. И даже в аэропорту пахло морем. Мы быстро закинули чемоданы в номер и побежали плавать.

Пить коктейли мы начали ещё на пляже, поэтому к вечеру были в весьма приподнятом настроении. У Кати был подготовлен список мест, которые нам нужно посетить, и среди них был «Коко-Бонго» – самая большая туристическая дискотека в Канкуне. Туда мы и направились. Даже несмотря на выпитое, находиться в таком огромном месте, среди толпы людей, мне было некомфортно. Не прошло и получаса, как Катя кому-то подмигнула – и вот мы уже сидим за столом с мексиканскими мужчинами. Надо сказать, у Кати был талант: где бы мы ни находились, она, как солнышко, привлекала людей, особенно мужчин, своей неотразимой улыбкой. Очень часто я ей завидовала, потому что я никого не привлекала, даже если улыбалась. Ах нет, преувеличиваю. В моей биографии теперь значится мужчина, который трахает всё, что движется.

Мексиканцев было пятеро. Катя очень активно флиртовала с одним из них, и я поняла, что, несмотря на то что ни один из этих мужчин не показался мне интересным, оставить в такой ситуации подругу я не могу. Я присела за их стол и заговорила с тем, кто сидел рядом. Сколько раз я потом в жизни представляла, что оставила подругу одну и не села за стол – или же просто встала и ушла. Насколько бы по-другому сложилась вся моя жизнь! Но я осталась сидеть, потому что нельзя бросать друга в беде, а мужчина, с которым я заговорила, охотно поддержал беседу:

– Как тебя зовут?

– Карлос, а тебя?

– Элена. (Конечно, это наше имя Елена, но для иностранцев я всегда говорила его через «Э», чтобы не усложнять жизнь.)

– Эли? Приятно познакомиться.

Его сложно было назвать красавцем: одет он был в какую-то застиранную футболку, по лбу стекал пот. Выглядел он для меня как обычный, в моём русском воображении, мексиканец; говорил по-английски, но плохо. В целом создавал какое-то грустное впечатление, как будто у него что-то случилось. Из всего его рассказа я поняла только то, что он с друзьями прилетел на отдых из Мехико, что он три месяца как расстался с девушкой и что у него трёхлетняя дочь. А дальше уже ничего не имело значения, потому что алкоголь лился рекой, мужчины щедро угощали, и всем было весело.

Я даже не помню, в какой момент я дала ему свою электронную почту. Точно так же, как я не помню, как мы с Катей вернулись в номер. Нам повезло: если не считать нескольких часов, проведённых в обнимку с унитазом с тяжелейшим отравлением после текилы, мы вернулись в отель в полном составе, и ни одна из нас не пала жертвой ни мексиканского очарования, ни мексиканской работорговли.

На следующий день он мне написал. Я не помнила ни как его зовут, ни как конкретно он выглядит. Но в моей голове, даже сквозь дикую головную боль, осталось ощущение того, что вчера было очень весело – в контрасте с тем, как я провела предыдущие месяцы. Электронное письмо было от «CCuri», что могло означать что угодно. Он спросил, как дела, сообщил, что вечером улетает обратно в Мехико, и уже в третьем сообщении предложил приехать к нему в гости на выходные в Акапулько через 10 дней.

Я, безусловно, где-то слышала про то, что в Мексике опасно и похищают людей. Но в 24 года зов приключений был гораздо сильнее здравого смысла. Ведь что может быть интереснее, чем поехать непонятно куда, непонятно с кем, в незнакомой стране?! Акапулько однозначно звучал гораздо интереснее, чем вид на белый потолок с раскладного дивана дома у моих родителей. И я приняла совершенно неожиданное для себя решение – продлить каникулы, сделав возврат билета домой. После покупки билета до Мехико, откуда мы должны были выезжать на машине в Акапулько, у меня на руках оставались 200 долларов. С таким «приданым» я и шагнула в свою новую жизнь.

Когда тебе нечего терять

Мехико мне не понравился с первого взгляда. Здесь было очень мало зелени, улицы были грязными, никто не говорил по-английски и, самое главное, было совершенно непонятно, что есть. Прежде чем мы-таки нашли большой супермаркет, мы пытались поесть в уличной забегаловке, но, кроме авокадо, нам не принесли ничего, что хотя бы на вид казалось съедобным. Это были совершенно странные на вид пищевые предметы, которые пахли не так, выглядели не так. Более того, ночью было совершенно невозможно спать. Катя сняла крошечную квартиру в шумном районе, и в ней было громко и днём, и ночью. Казалось, что я в аду. Ощущалась нехватка воздуха. На высоте 2000 метров над уровнем моря подъём по лестнице даже на один этаж грозил головокружением. Несмотря на то что я была до этого во многих странах, первый опыт знакомства с мексиканской столицей был максимально неприятно шокирующим.

Но уже через несколько дней должна была состояться поездка в Акапулько. Сейчас думаю, как странно, что я тогда так смело поменяла планы и взяла билет до Мехико, и мне даже в голову не пришло, что этот мужчина, чьего имени я не помнила, мог так же взять и поменять планы, забыть, передумать. Но внутри меня не было никакого сомнения. Хочется верить в судьбу, предназначение, но, думаю, дело было в моём внутреннем состоянии. Я была на эмоциональном дне и искренне верила, что мне нечего терять. Как в конце отношений с Хуаном я искренне верила, что с меня нечего было взять, так и тут я была глубоко убеждена, что мне совершенно нечего терять. Надеюсь, что жизнь никогда не подкидывала вам выбор между безопасностью и самоценностью, где вторая держится только на том, что кто-то проявил к вам интерес. Когда ты не понимаешь свою значимость и готова вписаться во что угодно только потому, что мужчина тобой заинтересовался. Если бы я понимала свою ценность и бережно относилась к себе, согласилась бы я на такую поездку с совершенно незнакомым человеком?

Я договорилась о том, что со мной поедет моя подруга, и он не возражал. Мне казалось, что так безопаснее, хотя, если честно, о безопасности я совсем не думала. Мне было важно, что так я хоть немного могу отблагодарить Катю за то, что бесплатно живу у неё. Он обещал взять с собой того самого друга, с которым она флиртовала.

Когда мы встретились в назначенном месте, нас ожидал внушающий уважение серебристый внедорожник, и с места пассажира вышел шикарно одетый невысокий мужчина. На нём были брюки, пиджак и идеально выглаженная рубашка без галстука, на ногах – кожаные ботинки ярко-бордового цвета. Позже он объяснил, что приехал сразу после работы и не успел переодеться. Он производил впечатление человека позитивного, вежливого и очень уверенного в себе. Рядом с таким хочется выпрямить спину и вспомнить, о чём рассуждал Аристотель, чтобы не ударить лицом в грязь. Это шло совсем вразрез с расплывчатыми воспоминаниями о совместно проведённом вечере с мужчиной в старой футболке, но так было даже лучше. Его лица я так и не узнала, но мы немного поговорили – и да, это был он. Позже он и сам признался, что тоже меня не узнал и сначала подумал, что Катя – это я.

В контраст к нему я была одета в джинсовый комбинезон с короткими шортами, майке и шлёпках. Такие вещи, наверное, взяли бы с собой большинство молодых девчонок, отправляющихся на отдых в Мексику. Позже я узнала, что вид у меня был совершенно неприемлемый для Мехико. Так никогда бы не оделась ни одна уважающая себя женщина, живущая в столице. Но он, будучи человеком воспитанным, ничего не сказал – я поняла это сама месяцы спустя.

Мы сели в машину: там, помимо водителя, был ещё и брат Карлоса – Хавьер – мужчина средних лет, одетый в поло и джинсы. Европейской внешности, гораздо светлее Карлоса, выше него, в очках. Карлос и Хавьер были очень разными и внешне, и по тому, как разговаривали. Карлос был центром внимания, очень харизматичным, он шутил и казался очень интересным

мужчиной. Хавьер был интровертом. И если бы Карлос не представил его как своего брата, сложно было бы даже предположить, что между ними кровное родство.

Друг Карлоса поехать не смог. Обстановка была лёгкая, ненапряжённая: мы поговорили минут пять и без тени сомнения сели в машину и поехали.

За окном менялись пейзажи, и всё казалось красивым и интересным, не похожим ни на что из того, что я видела ранее. Был март – один из самых сухих месяцев в регионе, и все растения по сторонам дороги были жёлто-коричневыми. На обочинах периодически появлялись огромные, с человеческий рост, кактусы. Солнце светило очень ярко и, казалось, согревало всё вокруг, включая и моё разбитое сердце.

Вид на океан

Нам повезло, нас не продали в сексуальное рабство, а действительно привезли в красивый дом на отдых. По приезде Карлос сразу же сделал для нас маргариты с тамариндом. Новый вкус, который я раньше никогда не пробовала – нечто между кислым и сладким. А тёплый бриз с Тихого океана обволакивал, как тёплое одеяло и, казалось, опьянял даже больше, чем текила в наших коктейлях.

Нам с Катей выделили комнату на первом этаже, с собственным туалетом и душем, которая походила на номер в отеле. Дом был шикарен. Он стоял на холме, и практически из любой его точки можно было увидеть Тихий океан. Когда ты заходишь в него по ступенькам со стороны парковки, перед тобой открывается зал-столовая с огромным каменным столом и видом на океан. Рядом с ним – барная стойка. Стены украшены картинами.

– Это рисовала моя мама, – сказал Карлос, когда я засмотрелась на висящую на стене полуголую женщину, держащую на поводке волка. Для меня вообще было шоком, что картину с обнажённой грудью можно повесить в семейном доме. В моей семье секс был словом, которое никто никогда не произносил вслух.

За столовой начинался бассейн. Большой 50-метровый бассейн, выложенный голубой плиткой. Вода казалась кристально чистой. Прямо из бассейна можно было видеть океан. С левой стороны от бассейна были лежаки, а с правой – комнаты. Можно было открыть дверь из комнаты, сделать 2 шага и прыгнуть в бассейн. За бассейном располагался огромный шалаш, а под его соломенной крышей – большой круглый стол со стульями. Там же была и лестница, ведущая на второй этаж. Второй этаж был полностью из стекла. На входе второго этажа находился бар. Свой, настоящий домашний бар с набором напитков получше, чем во многих ресторанах. Здесь было всё: от дорогого шампанского в ящиках до какого-нибудь редкого экзотического ликёра. Дальше был стол со стульями, как я узнала позже, для завтраков с кондиционером и без москитов. Большой белый кожаный диван и кресла для просмотра телевизора. И огромный балкон с видом на океан, через который можно было пройти в лучшую комнату дома. Это была спальня с видом на океан и бесконечным гардеробом, наполненным дорогой брендовой одеждой. Огромная дубовая кровать стояла прямо напротив застеклённой стены, и проснувшись утром, было достаточно просто открыть глаза, чтобы увидеть простирающийся до горизонта океан. Но мне эту комнату показали только мельком – это была комната родителей Карлоса. Весь дом занимал 1200 метров, круглый год в нём жила пара слуг для того, чтобы следить за ним, и он находился в закрытом посёлке, куда проехать можно было только владельцам или строго по приглашению. Соседские дома принадлежали мексиканским «старым деньгам» или нарко. У известного мексиканского художника Диего Ривьеры есть пейзаж, написанный где-то неподалёку. Туристические магазины продают его карточки с видом на океан, практически идентичным виду из столовой.

Я никогда ничего подобного не видела, только в детстве в сериалах про богатых. Не знала никого, кто бы имел СТОЛЬКО денег! И, кажется, он заинтересован во мне. Это невероятно!

Ошибка в расчётах

«Хотя нет, уже не во мне», – пошёптывал тревожный внутренний голос. С Катей мы были знакомы на тот момент года два. Она была подругой моей одногруппницы, одной из тех самых, на которых действительно женились, а не обманывали, как меня. Собственно, на свадьбе нашей общей подруги мы с ней и познакомились. И да, она была целеустремлённой золотоискательницей. Выкрашенные в пепельный блонд длинные волосы, пышная грудь и очаровательная улыбка – непобедимое оружие в сочетании с образованием журналиста и умением поддержать разговор на любую тему. Она, в отличие от меня, точно знала, чего хотела, и Карлос подходил под её критерии. Наблюдая за их беседой, я начала злиться. На себя.

После того, как мы разместились в доме, мы отправились на ужин в ресторан. Мы пошли вчетвером. Это был шикарный ресторан азиатской кухни, с фонтанами и зеркальными стенами, настолько high-end, что я, по-прежнему одетая в свой джинсовый комбинезон с короткими шортами, задумалась, насколько это уместно. Карлоса в ресторане знали по имени, и нас посадили за лучший столик. Сначала Катя пыталась флиртовать с братом Карлоса. Хавьер был вежлив, но совершенно не реагировал на оказанные ему знаки внимания и проявлял больше интереса к своему телефону. Тогда она переключилась на Карлоса. И после нескольких бокалов всего, что только можно, я заметила внутри себя дикую вспышку агрессии. Я не подала вида, но внутри меня орала обида: «Как так! Я нашла такого мужчину, а теперь она пытается его увести?». Но я молчала. Потому что, если тебя ударили по одной щеке – подставь вторую.

После ужина мы отправились в танцевальный бар, где он взял для нас VIP-ложу. Место мне понравилось, но по-прежнему казалось, что ему нравится именно Катя. Поэтому я, отпустив ситуацию, пила коктейли и даже танцевала сальсу с другим мужчиной. Вернувшись в дом, мы обе ушли спать в комнату, и я поделилась с ней своим негодованием:

– Что происходит?

– Глупая, ему нравишься именно ты, со мной он общается как с другом, потому что не знает, как к тебе приблизиться, – сказала моя опытная подруга-золотоискательница, и мы выключили свет.

Очарование

На следующий день мы с Катей проснулись первыми. Мы вышли из комнаты на улицу, в столовую. Служанка поставила на стол блюдо с нечто неаппетитным, очень контрастирующим со всей роскошью, к которой мы уже привыкли со вчерашнего дня. Так как мы обе были голодными и не говорили на испанском, решили позавтракать тем, что есть. Это была жижа из фасоли коричневого цвета и кукурузные лепёшки с закруглёнными краями. Служанка не очень дружелюбно посматривала на нас.

Когда из своей комнаты вышел Карлос, он посмеялся, оказывается, завтрак был таким скудным, потому что в дом давно никто не приезжал и не оставалось продуктов. Мы собрались и быстро поехали в город на ланч, а потом весь оставшийся день провели в бассейне. Карлос рассказывал о вещах, о которых я никогда не слышала из первых уст. Об импорте и экспорте. О том, что он продаёт одну и ту же ткань настоящему и фейковому Левайсу. О том, что бедные мексиканцы живут в домах без пола. О том, что белым быть круто. О том, что его дедушка из Ливана. О том, что сейчас цветут кактусы, и их плоды можно есть. И дело было даже не в градусе экзотичности всего того, что он говорил, а в том, как именно. Как просто и увлекательно! Было невозможно его не слушать. Его английский не был блестящим, но всё было понятно. Искра, энергия, которая шла от него, просачивалась через языковые коды и культурные барьеры.

Оказалось, что у него не было детей, а то, что я услышала в ночь нашего знакомства, была история его лучшего друга Хосе. Сам же он 3 месяца как расстался с девушкой, с которой встречался 7 лет. Под конец второго дня он намекнул мне на что-то большее, не пошло, поверхностно. И, вероятно, на моём месте многие девушки с восторгом прыгнули бы в его постель. Катя, возможно, прыгнула бы. А, возможно, и нет, следуя каким-нибудь хитрым мануалам о том, как покорить сердце миллионера. Но у меня мануалов не было, было только разбитое сердце.

– Ты пьян – иди спать! – сказала я, и он не сопротивлялся.

Остаться нельзя уехать

Мы вернулись в Мехико, и, так как денег у меня по-прежнему было около 200 долларов (к своему счастью, в Акапулько я не потратила ни цента), я решила подождать три дня, а затем брать обратный билет.

У меня не было никаких ожиданий в отношении Карлоса – в конце концов, кто он и кто я? Мало ли таких девушек, как я, которые могут быть ему интересны? Мало ли таких, как я и Катя, отведавших в его доме фасоль на завтрак под презрительным взглядом служанки?

Мы хорошо провели время: я посмотрела Акапулько, побывала в столице и на двух побережьях Мексики, моё настроение значительно улучшилось – пора двигаться дальше. В конце концов, он мог и солгать, что не женат.

Но через день он позвонил мне и пригласил на свидание.

Я завила волосы, надела единственное длинное платье, которое у меня было с собой (как я выяснила месяцы спустя, оно было приемлемо только для пляжа и совершенно дурным тоном в городе).

За мной заехал его водитель и отвёз меня в ресторан. Ресторан находился на юге города и был прекрасным сочетанием сада и помещения – там было много зелени. Карлос уже ждал меня, очень элегантно одетый.

Мы не могли наговориться. Он плохо говорил по-английски, но нам было так интересно, так тепло. После ресторана мы поехали к нему домой, и я уехала оттуда только на следующий день, в час дня.

Он отменил все утренние встречи, чтобы побыть со мной ещё немного, а потом отправил с шофёром к Кате.

Мы много переписывались, и я поделилась с ним тем, что собираюсь брать билет обратно. Через несколько часов он прислал мне сообщение:

«Переезжай ко мне».

Закрытая дверь

Меня, наверное, должно было бы насторожить, почему такой экономически интересный мужчина так быстро предложил мне жить вместе. И, может быть, даже напугать. Но всё ощущалось так легко и естественно.

А нарциссическое эго внутри меня кричало, что это потому, что я такая особенная и, наконец-то, кто-то (и очень даже не простолюдин) разглядел это. Это однозначно был апгрейд. Он был намного богаче Хуана, он родился в золотой колыбели. И он выбрал меня.

Мне нечего было терять, по крайней мере, так я думала. В России меня ждал только раскладной диван, и я быстро согласилась переехать, даже не продержав Карлоса в мучительном ожидании ответа.

Когда водитель привёз меня к нему, дверь его квартиры была заперта, на телефон он не отвечал. Я почувствовала себя максимально глупо, настойчиво звоня в дверь его квартиры.

Несуразности всей ситуации придавало ещё и то, что у меня сломался чемодан, и мои немногочисленные вещи верхом торчали в пластиковом пакете, который держал водитель Карлоса и стоял за моей спиной, пока я ломилась в свою новую богатую жизнь.

«Сдаться и ехать обратно к Кате?»

«Но он же сам меня пригласил и даже отправил своего шофёра за мной».

«Не понимаю!»

«Он передумал?»

«Это такие мексиканские шутки?»

И я продолжала ломиться в дверь, потому что сдаться сейчас означало потерять надежду. Возможно, я даже бы заплакала от обиды, но за моим позором по-прежнему наблюдал водитель. Сказать ничего он не мог – ему было не положено, да и мы не говорили на одном языке.

Сложно сказать, сколько времени я провела под его дверью. Это могли быть десять минут, это могли быть полчаса. Время остановилось, пока я истерично боролась за свою новую жизнь. Это было очень долго.

И, в конце концов, он открыл.

Оказалось, что на ланче он немного перебрал спиртного и просто заснул. Планы не поменялись. Было непонятно: ни то радоваться, что он открыл, ни то отругать его за те переживания и стыд, через которые я только что прошла.

Я выбрала промолчать, потому что – ну а вдруг он передумает? А из альтернатив богатой жизни в Мехико у меня только пластиковый пакет с вещами и диван у родителей дома. И такой выбор потом я делала ещё много раз.

События развивались с такой скоростью, что я не успевала ни понимать, что происходит, ни радоваться. Внутренний голос шептал: «Это не может быть серьёзно, так не бывает, это какая-то ерунда». И предыдущий опыт отношений внутри меня кричал: «Не доверяй!».

Но не прошло и недели нашей совместной жизни, как Карлос познакомил меня со своими родителями. Возможно, он не собирался, но служанка из дома его родителей убиралась у него (у нас) и донесла новости матери Карлоса. И в следующий же понедельник он повёл меня знакомиться к ним домой, на обед.

Для мексиканцев познакомить кого-то с родителями не означает то же самое, что и для нас. У нас нередко знакомят, только когда уже подано заявление в ЗАГС или же случилась беременность. Мексиканцы же открыто знакомят всех со всеми, и это ничего не значит. Но я, конечно, этого ещё не знала.

В моём арсенале было два испанских слова – gracias и un poco más, por favor («спасибо» и «ещё немного, пожалуйста») – достаточно, чтобы заставить улыбнуться испаноговорящих, но недостаточно для поддержания разговора.

Мать Карлоса посмотрела на меня, затем отвернулась и с интонацией негодования произнесла: «И что, она даже на испанском не говорит?!»

Но приняли они меня очень тепло. Позже Карлос добавил, что это удача, так как его предыдущая девушка очень не нравилась его матери: они много ругались и, в конце концов, сошлись на том, что им вообще не стоит садиться за один стол.

Глупая – это лучше, чем злая

Вас, наверняка, интересует, как выглядел обеденный стол дома у родителей Карлоса?

Нет, десятка непонятных вилок, которыми я не знала, как пользоваться, не было. Хотя их образ и страх опозориться ещё долго преследовали меня, когда мы шли в какой-нибудь дорогой ресторан или на ужин с его друзьями.

Именно Карлос научил меня, как правильно есть устрицы, накручивать спагетти и держать бокал с вином. Ох, сколько всего можно сказать о человеке по тому, как он держит бокал!

Карлоса не волновало моё простое происхождение. Казалось, что он увидел во мне какое-то качество, которое долго искал, а вилки, знание вин, одежда – это всё поправимые детали.

«Это не проблема, если её можно исправить деньгами», – говорил он.

Обед у родителей Карлоса был относительно простым. Сегодня я точно знаю, что у них не было намерения произвести на меня какое-либо впечатление в этот день (да и с чего бы? Производить впечатление – стремление неуверенных в себе).

С точки зрения сервировки и еды на столе не было ничего для них необычного. По понедельникам на обед они всегда ели ливанскую еду.

На большом круглом столе стояли несколько блюд на выбор и гарниры к ним: салаты, рис, арабская разновидность маленьких спагетти (fideos), похожее на греческую долму мясо в виноградных листьях, йогурт, арабский хлеб в форме лепёшек, мясо – много разного мяса, в том числе нечто похожее на наш шашлык.

Стол был красиво засервирован, всю еду приносили и уносили две служанки. Для меня еда была тяжеловата, многое было жареным, но, в отличие от мексиканской еды, выглядело более знакомым и аппетитным.

После еды вынесли огромную корзину с разными фруктами и предложили несколько десертов на выбор.

Весь обед в моём распоряжении были только нож и вилка, но к фруктам вынесли странную ложечку с заострённым концом. Не торопясь, я посмотрела, как другие её используют, и повторила.

После десерта все выпили по чашечке кофе, и мужчины курили. Прямо в столовой, при закрытых окнах.

Несмотря на то, что ещё неделю назад я, не сдаваясь, ломилась через закрытую дверь в своё новое будущее, у меня не было намерения кому-либо понравиться, стараться. Мы ещё не были на том этапе эмоциональной привязанности, когда это важно.

Но когда люди относятся к тебе легко и доброжелательно, довольно просто быть доброжелательной в ответ. Особенно если не говоришь с этими людьми на одном языке.

Я улыбалась, Карлос переводил – и так я не сказала ничего лишнего.

Люди из Восточной Европы известны своей неулыбчивостью, но вот мой непрошенный совет: улыбайтесь. Пусть лучше все подумают, что вы глупая. Глупая – это лучше, чем злая.

Крестьянка и Диор

Почему-то мне казалось, что, когда ты начинаешь жить с миллионером, первое, что он должен сделать, – это сводить тебя за покупками по бутикам.

В моей фантазии мелькали фотографии красоток в соцсетях с огромным количеством изящных бумажных пакетов с названиями люксовых брендов, и на это (в моей голове) открыто намекал огромный шкаф с ботинками исключительно марок Гуччи и Сальваторе Феррагамо в гардеробной Карлоса.

Мне была нужна одежда, потому что ходить в уже упомянутом коротком комбинезоне и пляжном платье было неподобающе в Мехико. Но он не повёз меня по бутикам. Он повёз меня в хороший магазин, где было много одежды разных брендов, и купил мне всё самое необходимое. Но это не были топовые бренды.

«Где мои Диор и Луи?» – кричала внезапно разбогатевшая крестьянка внутри меня.

Но и в следующий раз, когда стало прохладнее и мне понадобились джинсы, он повёз меня за ними в магазин уровня масс-маркета.

– Почему мы приехали сюда? Ты на мне экономишь?

Он растерялся.

– Здесь покупала джинсы моя бывшая, и я просто повёз тебя туда, где точно знаю, что они есть.

На этом я замолчала. Мне по-прежнему хотелось роскоши, но тот факт, что в его картине мира он не пытается на мне сэкономить, был для меня гораздо важнее.

Можно было, конечно, ввернуть в разговор и про неуместность упоминания бывшей, и про то, что я заслуживаю большего, чем масс-маркет, но я не чувствовала, что заслуживаю.

А дальше, знакомясь с друзьями Карлоса, да и просто встречая богатых людей на своём жизненном пути, я поняла, что люксовые бренды важны для тех, кто только что разбогател и/или обладает нарциссическим расстройством. Это способ демонстрации своего превосходства.

Человек, который давно имеет большие деньги и может спокойно позволить себе люксовые бренды, будет смотреть в первую очередь на качество вещи и не всегда будет покупать себе что-то люто дорогое, потому что знает цену деньгам.

Деньги – это не только про их количество, но и про то, как ты к ним пришёл. Можно нацепить на себя много дорогих вещей и аксессуаров и по-прежнему быть выскочкой, или быть одетым в одежду из масс-маркета, но при этом быть настолько уверенным в себе, что у людей не будет потребности смотреть на ярлычки.

Что касается еды, с Карлосом вопросов никогда не было.

«Заказывай всё, что хочешь», – всегда говорил он. И повторял эту фразу, если видел, что я где-то стесняюсь.

И я, правда, очень часто стеснялась: заказать и первое, и второе; заказать самое дорогое в меню. Но он поддерживал, и я потихоньку восполняла свои бедные постсоветские пробелы лобстерами, устрицами и дорогими винами. И двумя десертами – потому что очень вкусно.

И хотя он, бывало, шутил, что в отношениях только он имеет право быть толстым, к моей фигуре никогда никаких претензий не предъявлял. К слову, она и изначально была неидеальной. Уже потом он с нежностью говорил, что, когда мы познакомились, мои бёдра были как испанский хамон.

Очень часто мне вспоминался случай, который был на первом курсе моей учёбы в университете. Моей соседке по квартире, как и мне, раз в месяц родители присылали деньги. И однажды она выбрала есть целый месяц только рис, но зато купила себе дорогие брендовые джинсы.

Это ярчайший пример мышления бедного. Человек, который давно и стабильно зарабатывает, всегда выберет еду. Вкусно поесть, потому что тогда ты будешь в состоянии заработать больше.

Ну и, в конце концов: «Нужно не экономить, а зарабатывать больше», – как всегда говорил Карлос.

Власть давать

– Подойди сюда! – говорит Карлос и подкрепляет своё приглашение призывающим жестом.

Нужно сказать, что жесты Карлоса всегда были очень красноречивыми и ярко дополняли то, что он говорит. Кистями рук он умел высказывать пренебрежение, скуку, поддержку. Но здесь было только предложение подойти.

Девочка лет десяти, индейской внешности, одетая в грязные джинсы и толстовку, испуганно осматривается, но подходит. В руках она держит поднос с мексиканскими сладостями – всем тем, что европейским вкусовым рецепторам покажется острой гадостью, однако так горячо любимо мексиканцами, независимо от экономического положения.

Карлос покупает несколько сладостей.

– Пообедай с нами! – внезапно произносит он, указывая девочке на стул напротив нас. – Ты голодная?

Мы сидим в ресторане в Кондесе (один из районов Мехико), наш стол стоит на улице. Девочка осматривается, на минуту усомнившись, глазами ищет кого-то, будто спрашивая разрешения, и несмело кивает Карлосу, дав понять, что голодная, и присаживается напротив нас за стол.

Она не привыкла говорить «нет». Тем более её не учили отказываться от еды. Тем более что взрослые, которые отправили её продавать сладости на улицах в десять лет, вряд ли ей что-то рассказали о правилах безопасности.

Официант подаёт ей меню.

Ей очень некомфортно: она зажимает плечи и смотрит вниз. Карлос понимает, что, возможно, она не умеет читать, и начинает перечислять, что есть в меню. Она продолжает смотреть вниз – скорее всего, она не знакома с названиями блюд. Там, где она живёт, едят только рис с кукурузными лепёшками, и ни о какой чиабатте она и не слышала.

Она хватается за последнее слово и еле слышно повторяет его за Карлосом.

Пока готовят её сэндвич, Карлос задаёт ей вопросы. Нормальные, вежливые вопросы. Но ей очень неудобно – она смотрит вниз. У неё есть мама и ещё три сестры. Она не учится – у семьи нет возможности. И как будто такие вещи очень стыдно произносить за столом в дорогом ресторане рядом с таким мужчиной и его молодой белой иностранкой.

Когда принесли еду, она в том же зажатом состоянии откусила один раз свой сэндвич и не стала есть дальше. Карлос попросил коробку, чтобы взять еду с собой, потому что девочка явно проходила через муки с нами за столом.

– Ты, наверное, хочешь идти, потому что тебя ждут?

– Да.

Он пожелал ей всего хорошего, она сказала «спасибо», забрала коробку, поднос со сладостями – и их судьбы навсегда разошлись в разные стороны. И каждый из них так никогда и не понял, что же на самом деле произошло.

Очевидно, что в порыве благородства и щедрости Карлос хотел показать мне, какой он хороший. Он хотел произвести впечатление. И к тому же так делали его отец и дедушка. Они кормили бедных, помогали родственникам выпутаться из экономических трудностей, платили за образование племянников. Так просто почувствовать себя хорошим, когда у тебя есть деньги.

А что же было дальше с девочкой? Возможно, ей не поверили, что еду ей дали просто так. Возможно, это будет единственный раз в её жизни, когда она ела в таком ресторане. А возможно, в следующий раз, когда непонятный состоятельный мужчина предложит ей что-то,

она согласится, ссылаясь на свой предыдущий опыт, когда ничего страшного не произошло, – и попадёт в беду.

Этот поступок тогда, в самом начале наших отношений, попал точно в цель и произвёл на меня сильное впечатление: «Вот это мужчина!».

Но что, если и я такая же девочка в его жизни?

Будда услышал

Карлос очень пытался порадовать меня. Мне нравились туристические развлечения и доиспанская Мексика, и каждые выходные он вывозил меня из душной столицы, чтобы показать мне что-то новое. Мы путешествовали на машине. Оказалось, что вокруг Мехико столько интересных мест, столько истории, что удивительно, что для большинства людей образы Мексики ассоциируются исключительно с Карибским побережьем или с иммигрантами, нелегально переходящими границу с США через пустыню. Или с нарко. Но Мексика – это гораздо больше, чем эти стереотипы. Это отдельная планета с непередаваемым разнообразием природы и традиций. Карлос намеренно влюблял меня в свою страну. И это было волшебно. Я чувствовала себя любимой, ценной, желанной. И снова особенной. Карлос был очень внимательным и заботливым. Он действительно старался.

Одной из наших первых совместных поездок стала поездка на пирамиды, находящиеся в часе езды от Мехико – Теотиуакан, пирамиды Солнца и Луны. Был апрель, и непередаваемо жарко. У Карлоса по лицу ручьями тёк пот, а мне обязательно нужно было обойти всё и везде сфотографироваться. Из тени на ближайшие несколько километров были только кактусы. Так, в попытке произвести на меня впечатление, он забрался со мной на пирамиду Солнца (238 ступеней под палящим солнцем в +30) с похмелья.

Нам было очень весело. Однажды мы сильно перебрали с его друзьями в ресторане, и меня вытошнило прямо в такси на пути обратно. Уже и не помню, почему мы тогда были без шофёра. Водитель такси очень рассердился, и Карлос, помимо того, что заплатил ему за причинённый ущерб, руками взял и убрал мою блевотину с сиденья. Это был действительно подвиг для очень брезгливого человека, который ни разу в жизни даже не мыл полы дома. После этого он ещё долго шутил, что не может воспринимать меня всерьёз, потому что последнее, что я ела, было разноцветное мороженое, и тошнило меня радугой.

Мы шикарно развлекались. Его знали по имени в дорогих ресторанах и клубах. Был случай, когда мы проснулись в 4 утра голодными и поехали в какой-то дорогой ресторан при отеле поесть, одетые в спортивные штаны и буквально лохматые. Для людей, сидевших за соседними столами, возможно, находиться в этом ресторане было событием: они были шикарно одеты, каждый волосок у них на голове был правильно загелен и лежал на своём месте, мы же шли туда расслабленные, и нам всегда были рады. И, конечно, мне это всё нравилось, потому что в глубине души я верила, что мы лучше других, и я лучше других, потому что он выбрал меня.

Эта мысль не давала мне покоя. Она компенсировала весь мой негативный опыт с мужчинами, особенно историю с Хуаном. Мысль, что я лучше других, грела меня, когда он рассказывал о девушках, которые висли на нём роем с пубертата, о золотоискательницах, о служанках, которые кокетливо хихикали, когда он поднимал им юбку, ну и, конечно же, она – его бывшая. Она была богатая, образованная, ухоженная, а он всё равно выбрал меня. И хотя формально между нами не было никакой конкуренции – Карлос расстался с ней до знакомства со мной, – она определённо жила в моей голове, и каждый раз побеждала я: «Смотри, я лучше».

Через 3 месяца я уехала домой навестить родителей, и Карлос позже признался, что не был уверен, вернусь ли я. Но я уже решила, что Будда меня услышал и что Карлос – это «он». Он купил мне билет обратно. И так я стала богатой мексиканской домохозяйкой.

Родословная принца

В далёком 1923 году дедушка Карлоса Йосеф приехал в Мексику из Ливана. Он был юношей, единственный язык, на котором он говорил, был арабский. Ни о каком богатстве или образованности в его семье речи не шло. Его отец владел мельницей, и Йосеф, сообразив, что мельница одна, а братьев пятеро, выкрал ключ от сейфа, забрал оттуда все семейные сбережения и отправился в долгое плавание.

Плавание на кораблях заняло больше месяца, и он прибыл в порт Веракрус на Мексиканском заливе. Месяцы скитаний, чёрной работы, поиска своего места. Он проехал несколько штатов и остановился на севере страны, в штате Коауила (Coahuila). Испанский язык он выучил месяца за два, и с тех пор в семье ходила поговорка о том, что если хочешь есть – заговоришь на любом языке. Если у тебя есть необходимость заработать, то ты сможешь обучиться совершенно любому навыку и ремеслу.

Свои ливанские корни семья берегла три поколения подряд, и даже Карлос всегда представлялся ливанцем, хотя никогда не был в Ливане, не говорил на арабском, да и ливанской крови в нём всего четверть. Тем не менее, в сфере торговли во второй половине XX века в Мехико «я – ливанец» было своеобразным кодом принадлежности к небольшому количеству богатых потомков тех самых ливанцев, которые, так же как и дедушка Карлоса, в своё время смогли встать на ноги. Иметь ливанскую фамилию открывало многие двери.

Йосеф решил заняться тем же, чем и другие ливанцы, иммигрировавшие в Мексику, – торговлей. Он ходил от двери к двери, продавая различный товар, нередко в рассрочку. Мексиканцы не были сильны в торговле по ряду ограничивающих убеждений, многие из которых связаны с мексиканской формой католицизма. Стыд и вина до сих пор являются основой их мировоззрения и совершенно несовместимы с тем, что тебе нужно предлагать товар, а потом ещё и требовать за него деньги, если клиент не спешит с оплатой. Поэтому у многих ливанских иммигрантов дела шли хорошо в ситуации отсутствия конкуренции. А от Йосефа в семье сохранилось убеждение: «Деньги – есть деньги» – и неважно, как ты их заработал.

В Мексике никто не сможет разделить наших глубоких, грандиозно-грустных чувств относительно Второй мировой войны. Во время ВОВ Мексика послала на фронт 300 пилотов уже под самый конец войны, в 1945-м, 292 из которых вернулись целыми и невредимыми и, соответственно, героями. Но, что особенно важно для нашей истории, так это то, что в это время мексиканцы продавали продовольствие США по трёхкратной цене, поэтому годы войны для них – это годы мощного экономического роста. В эти же годы и разбогател Йосеф. Разбогател и, как приличный мужчина, теперь уже способный хорошо содержать семью, решил жениться.

Для интеграции в местное общество и развития бизнеса жениться нужно было на мексиканке. И не на любой мексиканке. Казалось бы, сейчас XXI век, но даже и сегодня в Мексике есть сильное разделение на «белых» и «чёрных» (потомков европейских иммигрантов и потомков местных мексиканских индейцев, где все привилегии идут в сторону первых). О неравенстве говорят смелые защитники прав, но на уровне повседневной жизни об этом молчат, хотя все всё понимают. Йосефу нужна была белая жена. Но это была задача со звёздочкой. Для «белой» мексиканки 1930–1950-х жених – араб-иммигрант, говорящий с акцентом, – это не только «ну нет», но ещё и просто стыдно. Однако невеста нашлась.

Молодая и прекрасная Изабель (Йосефу к тому моменту уже было за 40, а по меркам середины XX века это уже совсем немолодой мужчина) согласилась отдать свою руку и сердце взамен на оплату семейных долгов. Двоюродный брат Карлоса пытался восстановить родословную и выяснил, что предки Изабель – французы и испанские евреи. Сколько интересного в одном только факте такой свадьбы! Араб женился на еврейке, чтобы повысить свой социаль-

ный статус. Еврейка вышла замуж за богатого араба, чтобы избавить свою семью от долгов. Они сошлись по ценностям? «Деньги – есть деньги»?

История умалчивает, смогла ли Изабель полюбить Йосефа, но они прожили всю жизнь вместе. В браке у них родилось трое детей, один из которых, старшенький, – отец Карлоса Танус (ударение на «у»). Его должны были бы назвать Антонио – это эквивалент имени в испанском языке. Но Йосеф, непостоянный в вопросах культурной интеграции, настоял на арабском варианте имени, потому что именно так звали его отца, хозяина мельницы, – Танус Кури.

Про детство Тануса я мало что знаю, кроме того, что родился он уже в золотой колыбели и был одним из немногих в своём классе, кто носил ботинки. На фотографии конца 1950-х, усыпанной мальчишками в шортиках и рубашках, на песке стояли примерно сорок десятилетних школьников, и лишь пять из них были в ботинках. Один из них – Танус. Ботинки были показателем статуса. Эту фотографию мне показывали много раз, и каждый раз на этот факт указывали с большой гордостью. Вероятно, так раньше делал и сам Йосеф («Деньги – есть деньги», и не важно, чего стоило их заработать, если твой ребёнок один из немногих носит ботинки?). Жили они в небольшом мексиканском городке Монклова на севере страны, и, что и говорить, Танус вырос завидным женихом.

В том же городке жила и прекрасная девушка по имени Сильвия. Она была на 10 лет младше Тануса. Когда они познакомились, ей было 15, а Танусу – 25.

Семья Сильвии была не так благополучна. Её мама Ирене была первой красавицей на деревне и умудрилась сходить замуж аж четыре раза (немыслимо для середины XX века). Ирене была потомком европейских иммигрантов и, судя по фотографиям, была бела, как снег, без единого намёка на причастность к коренным мексиканцам. А вот её третий по счёту муж был их прямым потомком. Поэтому Сильвия и её младшая сестра Ноэми получились очень красивыми, но на белых мексиканок ну уж совсем непохожими. Социально-экономическую пропасть между влюблёнными Танусом и Сильвией усугубляло ещё и то, что Ирене была просто швеёй и после последнего замужества – мать-одиночка семерых детей.

Когда Танус привёл свою возлюбленную знакомиться с родителями, это был скандал. Изабель (о да, именно Изабель, вышедшая замуж по расчёту) была совершенно против бедной «чёрной» невестки. И молодым влюблённым пришлось встречаться десять лет тайком, пока та не забеременела. Так на свет и появился Карлос.

Я не раз задумывалась, почему родители Карлоса так легко приняли меня в семью? Меня, иммигрантку, без имени, денег, приехавшую так издалека. Может быть, тем, что они меня приняли, я обязана бабушке Карлоса Изабель, которая своим поведением научила Тануса и Сильвию не сопротивляться выбору ребёнка? Кто знает? А может быть, они просто хотели внуков? Ведь Карлосу было уже 39.

Родители

В 2013-м уже никто не знал, сколько Сильвии было на самом деле лет. Она была, как я уже упоминала, на 10 лет младше Тануса, но её паспорт, который она неоднократно меняла с целью изменить год рождения, говорил нечто иное. В свои, предположим, 64 года, даже с лишним весом, по ней легко читалось, что ещё вчера это была женщина невероятной красоты, шлейф роковой красавицы до сих пор был с ней.

Она умела читать и писать, а ещё шить, так как в юности помогала своей матери по работе. Но, выйдя замуж в 25, она больше не проработала ни дня в своей жизни. Да, она периодически открывала какие-то дела, но это всё было с лёгкой руки Тануса, чтобы любимая жена не скучала. В целом она и так не скучала, она вела жизнь светской львицы: устраивала приёмы, вместе с мужем они ходили на все самые престижные мероприятия. Она всегда знала, что в тренде и где нужно побывать, чтобы тебя считали модным.

В какой-то момент в моду вошли валиум и дистрофическая худоба, которые не обошли и её стороной. Первый она принимала, чтобы спать. А второе – поставила своей целью. Когда ей было 40–50, она постоянно сидела на диетах, но какой же мексиканец не любит вкусно поесть! Поэтому проблему она разрешила при помощи липосакции. Мне много раз пересказывали всей семьёй в деталях, и отдельно каждый мужчина семьи, насколько это больная процедура и как она страдала, ходя в специальном белье после процедуры. Но почему-то результат сошёл на нет.

У Сильвии была суперспособность: когда она болела, она умела донести это до всех. Не все женщины так умеют. Обычно, когда болела я, я старалась не обращать на это внимания и тем более не беспокоить других своим плохим самочувствием. И когда ты не придаёшь этому значения, другие тем более не будут придавать этому важности. Но Сильвия умела сделать так, что, даже если у неё просто болит голова, весь дом в курсе её непосильных страданий и все должны что-то делать. Мир на секунду замирал в панике, а потом снова начинал вращаться с огромной скоростью, когда все искали решения её проблем.

У Сильвии был шрам на лице. У неё не было ни одной морщины, но был едва заметный треугольник на лбу. Прошло много месяцев, прежде чем я его заметила. Карлос рассказал мне его историю. Ещё задолго до липосакции некий известный косметолог убедил Сильвию в необходимости сделать инъекции, нечто вроде ботокса. Это было в 90-х. Косметология, а тем более косметология в Мексике, представляла собой полуэкспериментальную область, в которой хороший исход был скорее удачей, нежели закономерностью. Но жажда красоты и страх старения всегда были сильнее здравого смысла. Прошло несколько месяцев после процедуры, и лоб Сильвии стал выглядеть и ощущаться странно. Поход к нескольким дерматологам не дал никаких точных ответов, но дал пугающее предположение – рак. После этого началась череда пластических операций, но никто так и не смог дать ответа, что именно ей вкололи, а затем вырезали. Вся семья жила с мыслью, что Сильвия умирает, на протяжении 5 лет. На мой вопрос, можно ли было добиться объяснений от косметолога и привлечь его к ответственности, я получила ответ, которого никак не ожидала. Танус и Карлос ходили разговаривать с ним, в результате чего пришли к выводу, что лучшее решение – это нанять специального человека, который разберётся с ситуацией. Карлос рассказал мне это в самом начале наших отношений и, возможно, он просто хотел произвести на меня впечатление этой историей, и у него получилось. Я не осмелилась узнать детали, как именно «специалист» разобрался с вопросом. Кто знает, может быть, косметологу просто врезали пару раз или сожгли офис. Перед глазами у меня плыли мультики из кадров сериала «Бригада», где брутальные мужчины защищают свою семью любыми способами, и это нормально. Также на мне были огромные розовые очки, и мне очень не хотелось их снимать. Психика решила вытеснить эту историю, не заострять на ней

внимание. Когда ты стоишь на пороге больших денег, так просто закрыть глаза на неоднозначную историю. В стране, где закон до сих пор, а уж тем более 20–30 лет назад, ничего не значил, добиться справедливости можно было только одним способом.

Когда я впервые увидела Тануса, я очень удивилась тому, насколько не совпадали мои «ожидание» и «реальность». Когда ты думаешь, что сейчас увидишь мужчину 70+, по крайней мере в моём постсоветском представлении, ты ожидаешь увидеть немолодого деда. Да, Танус выглядел немолодо, но от деда в нём было только состояние кожи, в остальном это был светский лев, одетый в костюм с иголочки, на его ногах были дорогие итальянские ботинки, он держал спину прямо, разговаривал спокойным, уверенным голосом, и, поверьте мне на слово, большинство из нас хочет быть этим «дедом». Зайдя в комнату и увидев его, ты без сомнения сможешь определить, кто здесь главный. Он вёл себя максимально уважительно со всеми, начиная от прислуги и заканчивая клиентами. И это та самая уважительность и величие, которые встречаются только среди по-настоящему богатых людей. Недавно разбогатевшие, скорее всего, будут изо всех сил доказывать свою принадлежность к богатым через дорогие покупки, показную роскошь, через акцентирование того, что они не такие, как те, кто им прислуживает. Танусу нечего было доказывать, он был тем, кем все хотели быть.

Анамнез принца

Родился Карлос, как и большинство представителей своего класса и поколения в 1970-е, в дорогой клинике, через кесарево. Естественные роды тогда и до сих пор в Мексике были не в моде, поэтому врач и родители подобрали красивую дату, и ровно в 10 часов утра родился он, хоть и не голубых кровей, но зато сразу в золотую колыбель. Дедушка Карлоса был богат, отец Карлоса был богат, и это был классный старт для новой жизни. Но в те времена, как и, пожалуй, везде в мире в 1970-е, занятие детьми не было делом приоритетным, как сейчас. О грудном вскармливании даже не шло речи. Отец Карлоса постоянно работал, мать же занималась своей жизнью: ходила на кофе с подружками, устраивала ужины, в какой-то момент пыталась открыть свой бутик, продавая одежду, привезённую из США. Материнство её интересовало мало. Родители ходили на светские вечеринки, на модные мероприятия, их фамилия была известна в определённых кругах. А Карлос был передан в руки череде постоянно меняющихся нянек и служанок. Однажды я слышала историю от друга Карлоса, что могло повезти больше, и няня была одна и на всю жизнь. Это был Хосе, и в свои за 40 он с большой любовью и трепетом вспоминал, как его крохотная няня, родом из какой-то глухой деревни, так любила его, что до 12 лет носила его на руках, хотя у него уже волоклись по полу ноги. Но такие истории случались очень редко. Карлос рассказывал, что няни были разные – и хорошие, и плохие, жестокие. Но зато с ними можно было делать всё, что угодно: подглядывать, задирать юбки, баловаться, и никто не смел даже слова сказать.

Особые отношения у Карлоса сложились с одним из шофёров отца, который проработал у них 10 лет. У родителей не было времени или желания заниматься играми, а вот шофёр, имени которого уже никто не помнит, с удовольствием играл с Карлосом. Они играли в прятки, шофёр делал для него фигурки из дерева, и то была иллюзия надёжной привязанности, которой так не хватало мальчику. Но однажды маленький Карлос в шутку выстрелил ему в ногу из пневматического ружья. Родители, конечно, отругали сына и отвезли пострадавшего в больницу, но отношения с шофёром уже никогда не были прежними. Эту историю Карлос много раз пересказывал со смехом, в котором улавливались и гордость за экстравагантность детской выходки, и потребительское отношение к людям, которые на них работали. И, может быть, именно так его психика защищала от очень большой травмы – потери надёжного и преданного друга.

Когда Карлосу было 4 года, у него родился брат Хавьер. Сценарий тот же: запланированное кесарево, но в этот раз даже с датой не постарались. Легенда о его появлении на свет разнилась в зависимости от настроения Сильвии. По одной версии: «Мы родили его, чтобы Карлосу не было скучно». По другой – Сильвия забыла принять противозачаточные таблетки и вслух публично оперировала фразой «ошибка контрацепции». В 1970-х противозачаточные таблетки были модными, новыми, но находились только на стадии тестирования. Огромное количество побочных эффектов, которые подрывали здоровье женщин, непредсказуемые последствия и никаких гарантий. Хавьер родился здоровым, ему подвезло. И Карлосу действительно стало не скучно, ведь, несмотря на то, что они были братьями, характерами они не сошлись сразу.

В первом классе Сильвию вызвали в школу для того, чтобы сообщить неутешительные новости: с её старшим ребёнком что-то не в порядке. Он слабо реагировал на просьбы учительницы и не выполнял задания. Ей порекомендовали найти психолога. Они нашли, и не одного, но все в один голос сказали, что с Карлосом всё в порядке, просто он слишком умный, и на уроках ему скучно. Ещё бы, если дома у тебя целый штат человеческих игрушек и ты не привык, что тебе говорят, что делать.

Когда ему было 8, по рабочим делам отца они всей семьёй переехали на север страны, в Монклову, где и начиналась история их семьи, и для Карлоса это был неприятный опыт. Местные мальчишки совсем не хотели дружить с ним. Это был просто небольшой городок, и люди здесь не были в курсе последней моды и того, насколько важные люди живут с ними по соседству. Сильвия одевала его во всё самое модное, столичное, а в деревне на севере так было не принято, и над ним смеялись. Он дрался с ними и создал для себя свою собственную реальность, в которой он особенный и ни на кого не похож. Он лучше. Именно так ему всегда говорили родители. Зато здесь, на севере, они купили огромный дом с бассейном и разрешили ему иметь любых животных, каких он захочет. В его ванной жила обезьяна. По саду ходили курицы и утка (по словам Сильвии, именно утку почему-то периодически приходилось подменять на новую, но Карлитос никогда не замечал), может быть, потому, что в бассейне жил крокодил? Наигравшись с маленьким крокодилом, Карлос выпустил его в бассейн. Через 2 года, когда он подрос, вылавливать его оттуда, дабы он не угрожал безопасности, отправили того самого шофёра. Шофёр, получив всего несколько укусов от крокодила среднего размера, справился с заданием, перевязал кожаному морду и увёз в неизвестном направлении. Может быть, на волю, может быть, на ботинки. Этого мы уже никогда не узнаем.

Но зато, когда через пару лет семья вернулась назад в Мехико, у Карлоса наладилась общественная жизнь. Он пошёл в престижную частную школу, и теперь никто не придирался к тому, как он одет. Более того, как бы в отместку тем деревенским мальчишкам, теперь придираться мог он. В школе была форма – костюм с галстуком, и этот галстук обязательно должен был быть дорогим и брендовым. Не по правилам школы, а по внутренним смыслам учащихся. В Мексике и по сегодняшний день наиболее престижными частными школами считаются католические. Служба, молитвы, первое причастие были частью учебного процесса. Именно так Карлос и стал атеистом.

Это была чисто мужская школа. Лично ему повезло, и все беды обошли его стороной. Но именно в его школе священнослужители злоупотребляли своей властью и насиловали мальчиков. Эти преступления раскрылись гораздо позже и стали большим скандалом для всей страны. Но родители, конечно, не знали и охотно отдавали детей туда учиться, даже не столько из-за образования, сколько из-за престижа и для того, чтобы ребёнок обзавёлся связями, которые ему пригодятся в жизни. Состоятельные мексиканцы прекрасно понимают, что дело не в знаниях. Но понимали это не только те, у кого были деньги. В этой школе учились и мальчики, для родителей которых оплатить эту школу было экономическим вызовом. Грубо говоря, они не принадлежали к кружку золотой молодёжи, которые приезжали на машине с шофёром и не имели дома штат прислуги. Таким ученикам на перемене, пока никто не видит, Карлос и другие мальчишки обрезали галстуки, если они были не брендовыми.

Карлос довольно смуглый для «белого» мексиканца. Но даже во времена его детства, когда говорить о черноте/смуглости не было противозаконно, никто не осмеливался. Он был белее всех белых. Даже если его одеть в более скромную одежду, можно легко определить, что этот человек вырос богатым и привык быть хозяином, а не слугой. Это считывается по тому, как он заходит в помещение, по его речи, интонациям – всё выдаёт богатого столичного мексиканца. Если бедные ученики его школы налегали на знания и зубрили предметы в школе, понимая, что могут рассчитывать только на себя, Карлос обращал внимание на более важные для мексиканского бизнеса детали – как общаться, как преподать себя, как произвести правильное впечатление. У него была фамилия, ему нужно было понять только то, как её правильно использовать.

Однако, несмотря на все прелести жизни золотой молодёжи, когда ему исполнилось 13 лет, отец впервые взял его на работу и сказал, что теперь он мужчина и должен работать. Это была семейная традиция, так сделал с отцом и дед. И, конечно, начал он не с управления крупными проектами, а с работы в магазине. Тогда Танусу принадлежала сеть продуктовых мага-

зинов, и Карлос начал свою работу мерчендайзером, затем менеджером магазина, ведь, чтобы вести бизнес, нужно полностью понимать, как он устроен. И, мне кажется, это был главный урок, которому отец научил Карлоса: «Мужчина должен работать, потому что в мире, где всё измеряется деньгами, чем больше у тебя денег, тем больше ты мужчина». И Карлос старался изо всех сил.

В 14 лет отец подарил Карлосу машину с поддельными правами, на которых было написано, что ему 18. Да и на самом деле какая разница, что в них написано, если ты знаешь, кому можно позвонить в случае, если что-то пошло не так. Машина была не новая, но престижная, это был американский Chevrolet. Импорт машин из США на тот момент был запрещён, поэтому машина производила «вау-эффект». Именно на ней он и въехал пьяным в стеклянную стену ресторана на главной улице Акапулько, когда ему было 15 лет. И хотя Карлосу тогда сильно досталось от отца, отец знал и хозяина ресторана, и кому дать денег в местной полиции, поэтому ситуация рассосалась.

Несмотря на то, что проводить время с детьми не сильно интересовало Тануса и Сильвию, денег на него они не жалели. Так они выражали свою любовь. Когда Карлитосу захотелось заниматься водными лыжами, каждые выходные его возили в соседний штат на тренировки. Когда его заинтересовала верховая езда, ему купили лошадь, которую держали на другом конце города в конюшне, куда он ездил на занятия. Купили не только лошадь с экипировкой, но и наняли специального человека, который ухаживал за ней. Но и это увлечение быстро прошло. Карлосу всегда нравилось рисовать, но это было не мужское занятие, и ещё менее интересное, по мнению его родителей, потому что «на этом нельзя заработать деньги». И в выпускном классе школы Карлос взбунтовался. Ему было 17, он не закончил последний класс и уехал в Куэрнаваку (город-миллионник в часе езды от Мехико), чтобы брать уроки рисования и работать официантом. О ужас! О, скандал! Карлос решил стать художником! Работы он не боялся, он работал с 13 лет. Но это не одно и то же: собирать грязные тарелки со столов (служить кому-то) или быть менеджером в магазине своего отца. И через год не очень благополучной жизни он оставил свою мечту и вернулся в Мехико.

– Давай ты закончишь школу, и мы оплатим тебе университет? – предложил Танус.

– Дай мне год! – упёрся Карлос.

И они заключили договор: если Карлос начнёт серьёзно зарабатывать в торговле за этот год (у них была оговорена точная сумма, которую он должен был заработать, но мне её никогда не озвучивали), то тогда Танус обещал навсегда снять с повестки вопрос о высшем образовании. Если бы Карлос проиграл, то тогда он пошёл бы заканчивать школу, а затем и университет. Но он выиграл спор. А затем и заработал свой первый миллион долларов в 29 лет, без высшего образования и даже с незаконченной школой.

Золотая молодёжь и одноразовая любовь

Когда ему было 20 лет, он встречался с девушкой, её звали Оливия. Она была белой мексиканкой, но из бедной семьи. Так случилось, что именно в этот момент в семье Карлоса наступили тяжёлые времена – они разорились. Много раз он мне рассказывал душещипательную историю о том, как однажды заправил машину на последние деньги. Он, конечно, не понимал, что это типичная ситуация для среднестатистического человека. Но даже в такой ситуации Карлос был для Оливии отличной партией, и так случилось, что она забеременела. Но она в это время была студенткой и не хотела прерывать учёбу, поэтому сделала аборт. Сейчас, когда я смотрю на всю ситуацию в целом, в этом ли была причина? Но Карлос испытывал чувство вины из-за аборта и сделал ей предложение. Она согласилась, у них была пышная свадьба, на это нашлись средства, но брак продлился всего год. Они много ругались, и финальной точкой стало то, что Карлос узнал от друзей, что она ему изменяет с его знакомым, также с ливанскими корнями. Вероятно, ему было бы менее больно, если бы это был просто мексиканец. Он выставил её вещи за дверь, развод прошёл без его присутствия, а через месяц он узнал, что она уже вышла замуж за того самого ливанца, с которым она ему изменяла.

Карлос долго находился в подавленном состоянии, пил и много лет спустя пересказывал мне, что она ушла к более богатому. А на вопрос, почему же она согласилась выйти за него замуж, сам себе объяснял, что даже его «бедный момент» был гораздо лучшими условиями жизни, чем те, из которых она вышла. «Женщинам ведь только деньги надо!»

«Бедный момент» продлился недолго: отец Карлоса придумал схему, выкупил два завода в Гвадалахаре, и их благосостояние снова очень быстро пошло в рост. Настолько, что на одной из фабрик они держали клетки с двумя львами. И когда Карлос знакомился с новой девушкой, он мог пригласить её посмотреть на его львов:

– Красавица, поедем посмотрим на моих львов?

– Ты врёшь, нет у тебя никаких львов, – кокетливо хихикала какая-нибудь очередная красотка из клуба.

– Я серьёзно говорю, есть.

И сердце очередной золотоискательницы на одну ночь было покорено при виде царей зверей.

Оставив позади брак, Карлос наслаждался жизнью золотой молодёжи, отрываясь на невероятных вечеринках в Акапулько и Мехико. Его любимым местом был клуб «Baby O» в Акапулько, где под конец вечера в каждом углу можно было найти пару, занимающуюся чем-то 18+. Он рассказывал, как легко было найти девушку на ночь, какие жёсткие требования он предъявлял к ним, издеваясь над тем, насколько они были глупы и насколько хотели денег и лучшей жизни. Однажды он отказался от девушки, приехавшей к нему домой после вечеринки, потому что у неё были некрасивые пальцы на ногах.

Когда ему было 30 с небольшим, он встретился с мексиканкой, принадлежащей к тем же кругам. Её звали Фернанда. Она была очень красива, на 10 лет старше него, и у неё уже было трое дочерей от бывшего мужа. Она была очень богата. Богата она была и по родительскому капиталу, и бывший муж щедро содержал её и дочерей. И, самое важное, вечеринки, бары и алкоголь она любила так же, как и Карлос. На этом они и сошлись: Карлос был party animal, а она – ещё больше. Каждый из них запивал свою боль. Так они и проводили всё своё свободное время – в барах, в модных ресторанах, и всё с бокалом в руках. Они были на одной волне.

За её детьми, так же как и за Карлосом в детстве, так же как и за ней в детстве, следили няни и шофёры, она могла спокойно наслаждаться вечеринками и отсыпаться после них. Девочки хорошо знали Карлоса, и у них сложились дружеские отношения. Особенно нежно он относился к младшей, которую, по совпадению, звали так же, как и меня. Он встречался с её

мамой в промежуток с её 7 до 14 лет, она выросла на его глазах, и, по его словам, Эли была самой доброй и умной из трёх.

Периодически Карлос и Фернанда поднимали вопрос о свадьбе, но это ничем не закончилось. Несмотря на то, что всё казалось благополучным, Карлосу как будто не хватало какого-то элемента. У Фернанды была сделана операция по перевязке маточных труб, но на пятом году их отношений она решила, что хочет от Карлоса ребёнка. Он не сопротивлялся и сдал нужный материал в клинику репродуктивной медицины. С Карлосом было всё в порядке, но искусственное оплодотворение не получилось. На этом они и закрыли вопрос. После этого они ещё два года ругались, и после одной из вечеринок Карлос понял для себя, что это всё. Она пыталась вернуть его, звонила, писала, но решение было окончательным.

Таким его встретила я – знающим женщин, видевшим практически всё, глубоко убеждённым, что женщинам нужны только деньги. Чем его подкупила именно я?

«Конечно же тем, что я такая особенная!» – радостно кричало моё эго. – «Потому что я лучше всех!»

Золотая клетка Поланко

Мы жили в Поланко. Это старый и очень благополучный район Мехико, который с 2010 года стал модным, и туда начала переезжать богатая молодёжь. Здесь находились большинство консульств, был райончик Поланкито с парком и большим количеством ресторанов, были тротуары для прогулок пешком. Поланкито был островком благополучной Европы в Мексике, где можно было замедлиться, посидеть в ресторанчике на улице, посмотреть на красиво одетых людей. Жить в Поланко было модно, и он постепенно разрастался. Появлялись новые многоэтажные дома, торговые центры. Поланко очень нравился и иностранцам. Его население составляло примерно 250 тысяч человек, здесь было безопасно, по крайней мере гораздо безопаснее, чем в районах вокруг, – это был город в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.